

УДК 115.45

А.Б.Гикалов (6 курс, каф. СиП), Д.Н.Козырев, к.ф.н., доц.

ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ К. ПОППЕРА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Выдающийся философ XX века К.Поппер известен значительным вкладом в теорию демократии. Суммируя аргументы "за" и "против" открытого общества, он блестяще формулирует требование к демократическому общественному строю: государство должно защищать свободу всех находящихся под его властью граждан. Фраза "Я не хочу жить милостью тех, у кого тяжелее кулаки и кто лучше вооружен" прямо указывает на источник опасности. Это агрессия со стороны тех, для которых не существует ничего, кроме собственного интереса тех, кто солидарен с античным софистом Фрасимахом в том, что "прав тот, кто сильнее".

Праву силы Поппер противопоставляет силу права. Либеральная трактовка справедливости восходит к Цицерону, который полагал, что свобода возможна лишь при условии подчинения закону. Для Поппера справедливость – это равенство граждан перед справедливым, т.е. равно распределяющим бремя гражданских обязанностей законом. Получается, что демократия есть уникальный способ согласования свободы как основы подлинно личностного бытия и, с другой стороны, конструктивный способ преодоления конфликтов в обществе. Следовательно, демократия есть некая ипостась высшего блага; отказ же от высшего блага есть, согласно этической аксиоматике, не что иное, как зло.

Но здесь в рассуждениях Поппера начинается непоследовательность. Принцип самосохранения, непреложный, казалось бы, для всех государственных форм, уступает место некоей странной форме самопожертвования. Речь идёт о ситуации, когда общество вдруг решит уничтожить демократию путём общенародного волеизъявления. Тогда стороннику демократии остаётся лишь путь внутреннего протеста; он "лишь с грустью сделает вывод о том, что не существует безупречного способа избежать тирании". Звучит благородно. Однако следует помнить, что далеко не все австрийцы смогли вслед за Поппером благополучно уйти из ада рухнувшей демократии.

Сторонники кровопролития ради счастья большинства населения не раз получали мандат на власть в эпоху распада и смут. Гитлер победил на выборах простым большинством и уже через год, после смерти Гинденбурга, он растоптал демократический принцип разделения властей, став чем-то вроде царя-жреца у варварских племён. Трудно сосчитать, сколько людских судеб было бы спасено, если бы генерал Корнилов смог предотвратить нелегитимный октябрьский переворот. Перед нашими глазами более свежий пример. Если бы в 1996 году власть в России не использовала бы в таких масштабах административный ресурс, то наша страна была бы вынуждена встретиться с мстительным реваншизмом и вновь погрузиться в атмосферу серости, кликушества, раболепия и страха.

Эти примеры указывают на то, что "непротиворечивая" (по оценке Поппера) теория демократии приводит к абсурдному и по сути бесчеловечному тезису: пусть гибнет демократия, но торжествует демократический принцип. Однако призыв к защите демократии любыми адекватными действиями (в том числе неправовыми) также содержит изрядную долю иезуитизма ("цель оправдывает средства"). Вспоминается совет старейшего врага демократии – Платона: "Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь, как против неприятеля, так и ради своих граждан". Выход, на наш взгляд, лежит на пути твёрдой расстановки правовых оценок. Силы, принципиально враждебные демократии, должны быть квалифицированы как экстремистские и исключены из числа политических

субъектов. Тогда ответ на агрессию со стороны "крайних" станет носить характер государственного императива. Меч государства будет карать тех, кто сам поднял меч первым.

Поппер пронизательно подметил связь между недемократическими режимами и агрессивной внешней политикой. Этантисы, полагающие государство высшей ценностью, признают, что оно "имеет право применять насилие не только к своим гражданам, но и нападать на другие государства при условии, что это его не ослабит". Поппер клеймит это утверждение, но при этом не замечает, что демократические государства нередко беззастенчиво апеллируют к гуманистическим ценностям ради банальной выгоды. Примером могут служить события в Ираке: деспотический характер поверженного режима как нельзя лучше подходит для оправдания действий правительства США перед лицом общественного мнения в собственной стране.

Теперь следует сказать о самом тревожном аспекте современности. Сейчас очевидно, что индустриальная цивилизация семимильными шагами движется к планетарной экологической катастрофе. Удастся ли совместить набор непопулярных мер по регулированию развития планеты с сохранением основных прав и свобод? Или, быть может, мир без торжествующей юстиции достоин только гибели и ничего другого? Вновь возникает различие, установленное ещё У.Черчиллем: политик стремится к личной власти, а государственный деятель должен быть готов пожертвовать популярностью ради высших задач. Здесь возникает отдалённая аналогия с платоновскими правителями – философами. Но тот же Черчилль полагал, что нет общественного строя лучше, чем начинённая изъясными демократия. Выход из тупика чрезвычайно труден, и на сегодняшний день до конца не ясен. В декларации Римского клуба говорится о том, что от принятого решения зависит будущее: либо безнадежный конец Европы, либо её бесконечная надежда.